

2. Lodge, M. The Responsive Voter: Campaign Information and the Dynamics of Candidate Evaluation / M. Lodge, M. Steenbergen, S. Brau – 1995. American Political Science Review. – Vol. 89. – No. 2: 309-326.
3. Marcus, G.E., Affective Intelligence and Political Judgment / G.E. Marcus, W.R. Neuman, – M., 2000.
4. Sniderman, P. Reasoning and Choice, Cambridge University Press / P. Sniderman, R.A. Brody, P.E. Tetlock. – 1991.

О ПРИОРИТЕТЕ ДУХОВНОГО НАД ПРАВСТВЕННЫМ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ АВТОНОМНОСТИ И ГЕТЕРОНОМНОСТИ ЭТИКИ

О.С. Соина, г. Новосибирск, Россия

Выдающаяся заслуга русских религиозных философов, обратившихся к этической проблематике, заключается в том, что они правильно определили соотношение духовного и морального, благодаря чему им удалось разрешить проблему автономности и гетерономности этики. Так, во-первых, отказывая морали в праве на *абсолютность* ее оснований, русские философы фактически осуществили некую сложную социокультурную и аксиологическую ретроспекцию, своего рода «движение назад», к истокам ценностных представлений человечества, предполагающее восстановление онтологически «правильного» порядка бытия, разрушенного эпохами секулярной культуры и духовных потрясений. С точки зрения этой оригинальной социокультурной динамики, *абсолютно только духовное* как особая сфера взаимоотношений человека с Божественными силами; мораль же как область взаимоотношения человека с себе подобными не только не абсолютна, но, наоборот, онтологически соподчинена духовному, принудительность которого («страх Божий») несомненно древнее и значительнее многих нормативно-регламентирующих предписаний морали как таковых.

Во-вторых, этот примат духовных основ над моральными никоим образом не релятивизируя последних и не превращая их в нечто относительное и потому необязательное к исполнению, чрезвычайно разнообразит и углубляет само предметное содержание этики, делая его своеобразным и неповторимым вследствие исключительной уникальности представлений каждого народа о Боге и Его отношении к человеку. При этом именно *духовные основания* культуры, онтологически доминирующие над сферой морали, занимающей «срединное» положение между миром Божественным и «просто жизнью», и созидают то чрезвычайное богатство собственно этических ее версий, которыми так богата жизнь современного мира. Несмотря на многочисленные попытки универсализировать их и свести к единому формально непротиворечивому этическому минимуму, в равной мере разделяемому всеми людьми и народами, только духовность

во всех ее проявлениях, по глубочайшему убеждению русских философов, действительно способна защитить от распада самое мораль, способствуя тем самым принципиально новому ее обоснованию, преодолевающему до сих пор неразрешимые коллизии автономности и гетерономности.

И, наконец, в-третьих, эти идеи русских философов, в качестве логического дополнения, нуждалась в известной конкретизации самих представлений о духовном или, по крайней мере, в существенном их обновлении. «...Религия, - констатировал о. С. Булгаков, - которую хотят целиком свести к морали, в целостности своей находится выше морали и поэтому свободна от нее: мораль существует для человека в известных пределах, как закон, но человек должен быть способен подниматься и над моралью» [1, с. 48]. «Подниматься» же над моралью в духовном плане способна только *любовь*, непостижимо воссоединяющая в себе все основные смыслы и испытания нравственной жизни человека: справедливость и милосердие; порицание и сострадание; воздаяние и спасение. Именно эта своеобразная онтологическая иерархия – доминирование духовности как любви над моралью как социокультурной принудительностью – и осуществляет новое обоснование этики *двоющим образом*: и как *автономной*, и как *гетерономной* в равной мере, ибо автономность представлена здесь самой возможностью свободного выбора между добром и злом – великим и вечным даром Любящего Любимому; в то время как гетерономность подразумевает ничто иное как неизбежную детерминацию морали сверхличными духовными инстанциями, преодолеть которые человеку «на свой страх и риск» решительно невозможно без непоправимого нравственного ущерба для всей его личности. «...Любить этическое «добро», закон, категорический императив можно не ради его самого, а только ради Бога, голос Которого слышим в совести» [1, с. 48-49], - утверждал, в частности, о. С. Булгаков, и в этом суждении русского философа действительно как-то приоткрывается тайна извечной *гетерономии* этики трансцендентными основаниями бытия, ни в коей мере не умаляющими ни свободы выбора человеком тех или иных моральных инициатив, ни уж тем более – исключительного разнообразия всех их возможных субъективных проявлений. И в самом деле: побуждая людей как-то помочь нам в очень сложной житейской ситуации, не говорим ли мы им с трепетом и надеждой: «Помогите, ради Бога!»», безотчетно утверждая тем самым столь загадочную для философов, но глубоко очевидную для всякого непредубежденного человека несомненную зависимость добра и от Бога, и от свободного выбора человека одновременно; а этики и морали от того типа духовности, который, предустанавливая безусловные в своей непреложности различия доброго и злого, благого и неподобающего, хорошего и дурного, вместе с тем позволяет всем и каждому избирать то или другое в

качестве смысла и содержания своей жизни. Глубокий водораздел, установленный русскими философами между духовностью и моралью, позволяет правильно построить нравственную жизнь человека, в которой человек сохраняет свою свободу только тогда, когда он апеллирует к Богу, прося о помощи и оказывая ее. Стоит только человеку возомнить, что он сам по себе является источником добра и может творить добро от своего имени, т.е. возлагает на себя некие мессианские функции, как в его жизни возникают неожиданные проблемы и страдания, ибо он становится заложником такого рода «добра», получая в ответ от благодетельствованных им людей не благодарности, любовь и уважение, но, напротив, неприязнь и злобу. Неверно себя ведет и тот человек, который, принимая помощь от другого человека, полагает, что только ему он обязан своим благополучием. Назойливо, к месту и не к месту, благодаря своего благодетеля, он рано или поздно надоеет ему своими благодарностями и, наконец, лишится его благосклонности. Каждый человек дорожит своей свободой и не желает зависеть от других, пусть даже благодетелей или благодетельствованных людей. Поэтому и нужно творить и принимать добро в Боге и через Бога. Тогда сохранится между людьми равенство перед Богом, никто не будет чувствовать себя кому-то лично обязанным или ждать личной благодарности от благодетельствованного лица.

Парадоксальным образом воссоединяя в едином смысловом пространстве *духовность и моральность*, эта предлагаемая отечественными философами новая версия этики отказывается признать *абсолютность* этической оценки, с беспощадной категоричностью воздвигнутой моралистами над миром и человеком. «...Как ни верна сама по себе моральная идея, - утверждал в свое время С.Л. Франк, - она ложна и гибельна уже тем, что есть *только* идея, только отвлеченный «постулат», а не живая творческая сила, и поэтому при столкновении с жизнью не обогащает ее, а обедняет и разрушает» [2, с. 179].

Объединив в этической теории *автономность и гетерономность*, свободу морального выбора человека и соподчиненность его духовным основаниям бытия, отечественные философы фактически провозгласили *неморалистичность этики*, ее благородную терпимость и сострадание к эмпирическому человеку, далеко не всегда умеющему возвыситься до императивов *абсолютной* общечеловеческой нравственности. «... Эта живая религиозная мораль, - провозглашает С.Л. Франк, - глубоко отлична по внутреннему своему строю от мертвой морали долга и «нравственного идеала». [...] Поэтому в ней ненависть к злу никогда не вырождается в ненависть к самому существу жизни и к отдельным конкретным людям. Религиозный аскетизм есть благостный аскетизм спасения, а не исступленно жестокий аскетизм морального фанатизма» [2, с. 178].

Литература:

1. Булгаков, С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения / С.Н.Булгаков. – М., 1994.
2. Франк, С.Л. Крушение кумиров / С.Л.Франк – М., 1990.

НОВАЯ МЕТАФИЗИКА ВРЕМЕНИ²

А.Н. Спасков, г. Минск, Беларусь

Фундаментальной проблемой современной науки является природа необратимости времени. Понимание глубины этой проблемы существенно продвинулось в работах И. Пригожина и его школы после введения «второго времени, имеющего смысл внутреннего времени. В этом подходе время понимается не как параметр, а как оператор, с помощью которого определяется внутреннее состояние систем.

Наш подход во многом согласуется с идеями И. Пригожина (которому все же не удалось до конца осуществить свой замысел и ввести необратимость времени на самом фундаментальном уровне реальности) и развивает их на новой фундаментальной основе, т.к. позволяет разделить внешнее и внутреннее время и ввести два независимых временных измерения, связанные друг с другом в нелинейном и нелокальном акте взаимодействия, которое как раз и имеет операторный смысл и порождает нелинейное ветвление и расслоение времени.

Мы вводим необратимость времени, исходя из предположения о существовании фундаментальной временной протяженности, которая способна изменяться в результате физического действия, что эквивалентно существованию некоторого элементарного аналога памяти в квантовом мире. Отсюда следует предельно глубокая связь физических и информационных процессов на самом фундаментальном уровне материального мира.

Однако разработка новой концепции, более глубокого уровня общности, невозможна на пути классификации и индукции. Такой путь может лишь подготовить благоприятную почву. Но по настоящему глубокий прорыв возможен лишь на пути смелых гипотез и введения новых сущностей. Именно такой путь мы и предлагаем, выдвигая гипотезу о субстанциально-информационной природе времени.

Эта гипотеза основывается на введении в физику трех новых сущностей: *субстанция* – вечная и активно действующая причина всяких движений и изменений, реализуемых в феноменальном физическом мире; *хронологический континуум* – потенциальная протяженность, которая изменяется под действием субстанции и может быть в двух квантовых

² Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г13Р-044 от 16.04.2013) и гранта Института перспективных гуманитарных исследований и технологий МГГУ им. М.А. Шолохова.